

Анна

Амалия Джонс

Анна

<https://litres.ru/74437653>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна была влюбленна в герцога. Только им нельзя быть вместе, поэтому их связь была тайной.

Анна - прислуга при дворце. Кристоф - герцог. Эта пара любила друг друга, но скрывали свои отношения от всех.

Им пришлось пройти через препятствия и интриги, прежде чем они смогли быть вместе.

Амалия Джонс

Анна

ГЛАВА 1

Анна вышла из прачечной затемно, когда пар от котлов ещё висел

под каменными сводами, а по полу тянуло холодом из нижних

переходов. Ладони саднило от щёлока, рукава взмокли до локтей.

Она поправила выбившуюся из-под косынки прядь и пошла не к

лестнице для прислуги, а в обход, через малую галерею, где в этот

час не горели факелы.

Дворцовый люд считал её расторопной и незаметной. Таковой она и

была — до тех пор, пока месяц назад не задержалась в покоях с

охапкой чистого белья, а герцог не вернулся с охоты раньше, чем ждали.

Она помнила, как он тогда остановился на пороге: плащ в грязи, перчатки брошены на стол, у виска — ссадина от ветки. Помнила, как он смотрел, пока она прижимала бельё

к груди, будто оно могло
её закрыть. Не закрыло.

Теперь она шла этой тёмной галереей, и сердце стучало
в горле

оттого, что он мог не прийти.

Дверь в малую библиотеку оказалась не заперта. Анна
скользнула

внутри, притворила створку и на секунду замерла, привы-
кая к

темноте. Пахло пергаментом, свечным воском и чуть-чуть
— дымом

из камина, который в этой комнате не разжигали с осени.

Лунный

свет падал косо через высокое окно, расчерчивая пол на
полосы, как

решётку.

— Ты вся дрожишь, — сказал он из глубины комнаты.

Голос был низкий, без улыбки. Она не слышала шагов —
только

поняла, что он рядом, по теплу, коснувшемуся её плеч
раньше, чем

его руки.

— Холодно внизу, — ответила она.

Кристоф взял её за запястье. Пальцы у него были сухие
и тёплые, шершавые с внутренней стороны — от поводов.
Он поднёс её руку

к лицу идохнул на побелевшие от щёлока пальцы, как дышат на замерзающие.

— Тебя могли увидеть.

— Меня не видят, — сказала Анна. — Я для них как факел на стене.

Он поднял глаза. В полутьме они казались почти чёрными, хотя

днём были тёмно-серыми, как вода в пруду перед грозой.

— Это плохо, — сказал он, но не отпустил её руку, а притянул ближе.

1

От него пахло кожей, железом и тем особым запахом, который она

научилась различать с закрытыми глазами: мылом с розмарином, каким мылись только в верхних покоях. Она уткнулась лбом ему в

грудь. Через камзол слышно было, как ровно и тяжело бьётся сердце.

— Почему ты пришла? — спросил он тихо, в её волосы.

— Потому что иначе я стою у котлов и думаю о тебе. И это хуже.

Он хмыкнул, и она почувствовала грудью этот короткий смешок.

Потом его ладонь легла ей на затылок, под косынку, и он

запрокинул ей голову, заставляя смотреть в лицо.

— Анна, — сказал он. — Посмотри на меня.

Она посмотрела.

— Завтра приезжает леди Маргарета. Моя невеста.

Он произнёс это ровно, как человек, который затвердил слова

заранее и теперь проверял, не сломается ли от них она.

Анна не

отшатнулась. Только внутри, под рёбрами, что-то медленно

опустилось и замерло, как камень, брошенный в колодец: падал и

падал, и не было дна.

— Я знаю, — сказала она.

— Всё изменится.

— Уже изменилось.

Он прижал её к себе, крепко, до хруста в плечах, так, что она

услышала, как тихо звякнула пряжка его перевязи. Анна закрыла

глаза. Она знала, что между ними и так ничего не должно было быть

— ни этой библиотеки, ни его рук, ни её голоса, произносящего его

имя без титула. Но знание это уже ничего не решало. Оно лежало

где-то снаружи, как городская стража за воротами, а здесь, внутри, были только они двое и темнота.

— Скажи, чтобы я ушла, — прошептала она. — Скажи, и я уйду.

Кристоф помолчал. Потом наклонился, и его губы коснулись её виска, у самого края косынки.

— Не могу, — сказал он. — Ты же знаешь, что не могу. Снаружи, в дальнем конце галереи, слышались шаги — размеренные, с железным пристуком: кто-то из ночной стражи

обходил крыло. Оба замерли. Анна почувствовала, как напряглись

его пальцы на её спине. Шаги приближались, поравнялись с дверью

и, не замедлившись, ушли дальше, к лестнице.

2

Когда затихло, он выпустил её не сразу. Рука его скользнула по её

плечу, вниз, к локтю, и задержалась на сгибе, где под грубой тканью

рукава билась жилка.

— Иди, — сказал он. — Пока стража не вернулась.

Анна отступила на шаг. В полосе лунного света она увидела его лицо: резкое, с тенью под скулами, с твёрдо сжатым ртом. Он смотрел на

неё так, будто запоминал.

— Приходи завтра, после вечернего колокола, — сказал он. — Здесь же.

Она кивнула и, не оглядываясь, вышла. Дверь за ней закрылась

беззвучно. В галерее пахло сырым камнем, и откуда-то снизу, из

кухонных ходов, тянуло хлебом. Анна шла быстро, опустив голову, и

повторяла про себя его слова, как молитву, в которой вместо

спасения было только отсроченное на день.

В прачечной ещё горела одна сальная свеча. Старая Марта, не

поднимая глаз от починки простыни, буркнула:

— Где тебя носит? Который час.

— В часовню ходила, — сказала Анна.

Марта фыркнула, но ничего не ответила. Анна села на свой тюфяк, стянула косынку и долго сидела, прижав холодные ладони к щекам.

Губы ещё помнили его дыхание. Завтра во дворец въедет невеста

герцога, и для всех начнётся праздник, а для неё — что-то, чему она

пока не находила имени.

Утром дворец встал раньше обычного. Ещё затемно по

лестницам

загремели вёдра, из кухни потянуло печёным, в малом дворе

конюхи чистили лошадей, а по верхним галереям развешивали

полотнища с гербами двух домов. Анна носила воду в прачечную, и

руки к полудню снова взмокли до локтей, но уже не от щёлока — от

горячей, крахмальной, праздничной работы.

К воротам согнали младших слуг — стоять шпалерой, держать цветы, которых в это время года почти не было, и потому в корзинах

лежали ветки лавра и сухие розы, размоченные в душистой воде.

Анну поставили с краю, у самой арки, где конюхи держали под

узды белую лошадь — ту, что назначили в упряжку невесты.

Она стояла и смотрела на дорогу. Пыль висела над ней золотым

столбом, хотя солнце было низкое, скупое, и света хватало ровно на

то, чтобы выбелить стены и сделать все лица одинаковыми.

Сначала показались верховые — четверо, в плащах с гербом дома

Маргареты. Потом карета: тяжёлая, тёмно-синяя, с серебряными

накладками. Колёса гремели по брусчатке, лошади храпели, и двор

наполнился тем особенным шумом, какой бывает только при въезде

важных гостей, — криками, топотом, скрипом рессор и ремней.

Карета остановилась. Слуга откинул ступеньки, распахнул дверцу.

Сначала вышла женщина в тёмном платье — не компаньонка, а

скорее дальняя родственница, сухая, с острым носом, — и подала

руку той, что сидела внутри.

Леди Маргарета вышла медленно, как человек, который знает, что

на него смотрят, и не торопится оправдать ожидания.

Она была красива той красотой, которую невозможно оспорить, потому что она складывалась из мелочей: из ровной посадки головы, из дорогой ткани, лежащейся без единой лишней складки, из цвета

волос — светлого, почти льняного, убранного под сетку с жемчугом.

Она не была похожа на Анну ничем, и Анна подумала об этом без

злости, просто как о погоде: дождь и снег тоже не похожи.

Герцог вышел навстречу. Анна не видела его с ночи, и теперь он был

другой: камзол с высоким воротом, шпага, сапоги, начищенные до

зеркала, и лицо — спокойное, как у каменного святого над воротами.

Он поклонился Маргарете, подал ей руку, и она положила ладонь

ему на запястье так, будто это было её право, данное от рождения.

Он не посмотрел на Анну. Даже не скользнул взглядом по ряду слуг, где она стояла. И Анна была ему за это благодарна, хотя от этой

благодарности её замутило, как от сладкого вина на пустой желудок.

— Красивая, — тихо сказала рядом Дина, поварова дочь, вытягивая

шею. — А холодная, как рыба из погреба.

Анна ничего не ответила. Она смотрела, как Маргарета, не

оборачиваясь, проходит через двор, как полотнища качаются над её

головой, как герцог идёт на полшага позади — не потому,

что не

знает дороги, а потому, что так положено.

Когда процессия скрылась в главной арке, двор начал расползаться.

Слуг отпустили по местам. Анна подняла свою корзину с лавром и

понесла её на кухню, а потом в прачечную, и весь остаток дня у неё

из головы не выходила одна простая вещь: у Маргареты были

холодные руки. Она заметила это, когда та подавала руку, — пальцы

белые, тонкие, и на указательном, под перчаткой, угадывалось

4

тяжёлое кольцо. Кристоф не поцеловал ей руку. Он просто принял

её ладонь, как принимают повод из рук конюха.

ГЛАВА 2

К вечеру Анна так устала, что ноги гудели, а в висках стучало. Но

после вечернего колокола, когда прачечная наконец затихла и

Марта захрапела на своей лавке, она встала, ополоснула лицо

ледяной водой из ведра и снова накинула косынку.

Она не думала о том, что делает. Она просто знала, куда идёт, — тем же обходным путём, через малую галерею, где факелы по-прежнему не горели, где пахло сырым камнем и снизу тянуло хлебом.

Дверь в библиотеку снова была не заперта. Анна вошла и впервые за день выдохнула.

Он стоял у окна, спиной к ней, и смотрел во двор, где до сих пор догорали факелы праздничного приёма. Когда дверь скрипнула, он не обернулся.

— Ты всё видел, — сказала она, сама не зная, вопрос это или упрёк.

— Видел, — ответил он. — Ты стояла с краю, у арки.

Анна замерла. Значит, он всё-таки смотрел. Не на неё, а сквозь, но

смотрел, и запомнил, где она стояла, и теперь это знание лежало

между ними, как третье, лишнее тело.

— Твоя невеста красива, — сказала она.

Кристоф повернулся. В полутьме лицо его было усталым, под глазами залегли тени, и ворот камзола оказался расстёг-

нут — узел, который затягивали на приёме, теперь давил.

— Подойди, — сказал он.

Она не двинулась.

— Анна. Подойди ко мне.

Она подошла — медленно, как идут не к человеку, а к краю чего-то

высокого. Он взял её лицо в ладони, грубо, как тогда, в первый раз, и поцеловал — коротко, жёстко, словно хотел выпить из неё весь

день, который им обоим пришлось прожить порознь.

— Я не мог подойти, — сказал он, оторвавшись. — Весь день не мог.

— Я знаю.

— Ты не знаешь. Я смотрел, как она идёт по двору, и думал только о

том, что ты стоишь в десяти шагах и не смеешь поднять глаз.

5

Анна подняла глаза. Он смотрел на неё так, что ей на секунду стало

страшно — не за себя, а за него, за то, что человек с таким лицом

может наделать глупостей.

— Это и есть моя жизнь, — сказала она тихо. — Стоять в десяти

шагах и не сметь поднять глаз.

Кристоф сжал её плечи.

— Нет, — сказал он. — Нет, это не жизнь. Это то, что мы терпим, пока не придумаем, как иначе.

— А ты придумал?

Он промолчал. И это молчание было страшнее любого ответа, потому что она поняла: нет, не придумал. Потому что между ними

стояла не только невеста, не только двор и не только разница в

крови. Между ними стоял сам порядок вещей, в котором герцог мог

взять любую, но не мог оставить себе ту, которую взял.

Она отстранилась первая.

— Расскажи мне о ней, — попросила она, сама не зная зачем.

— Зачем тебе?

— Затем, что если я буду её бояться, то сойду с ума. А если буду

знать — может, смогу ненавидеть. Ненавидеть легче.

Кристоф покачал головой.

— Её не за что ненавидеть. Она ничего не выбирала, как и я.

— Тогда кого же ненавидеть?

Он подошёл к окну и снова уставился во двор, где факелы уже

гасили один за другим, и темнота съедала свет, как голод-

ный зверь.

— Никого, Анна. В этом и беда. Некого.

Она встала рядом, но не касаясь. Внизу, в малом дворе, конюхи

уводили последних лошадей, и стук копыт по брусчатке отдавался в

каменных стенах, как чужое сердце.

— Завтра начнётся, — сказал он негромко. — Сватовство, дарственные, пиры. Меня посадят рядом с ней, и все будут смотреть.

— Ты справишься.

Он повернул голову и посмотрел на неё.

— Я не о себе, — сказал он. — Я о тебе.

Анна подняла подбородок. Ей хотелось сказать что-нибудь простое

и гордое, но гордость в прачечной не выживала — она таяла от

щёлока, как мыло. Поэтому она сказала правду:

— Я буду стоять в десяти шагах. Как всегда.

6

Кристоф ничего не ответил. Он стоял и смотрел на неё, и в этом

взгляде было столько всего, что Анне показалось: ещё немного, и

она захлебнётся. Потом он медленно, как человек, который сам себе

не верит, протянул руку и вытащил шпильку у неё из-под косынки.

Волосы рассыпались по плечам тяжёлой, влажной от вечерней

сырости волной.

— Завтра, — сказал он, наматывая прядь на палец, — после того, как

всех распустят. Здесь.

Она кивнула. Он притянул её к себе — в этот раз мягче, без

жадности, — и прижался губами к её виску, к тому самому месту, где

под тонкой кожей билась жилка. Анна закрыла глаза и позволила

себе на один долгий миг не думать ни о чём.

Они расстались, когда в галерее снова слышались шаги — на этот

раз двое, с факелом, и огонь его лёг на стену напротив двери

длинным, качающимся языком. Анна выскользнула первой, прижимаясь к стене, и ушла в темноту, не оборачиваясь. Кристоф

остался стоять у окна, пока свет не растаял за поворотом.

Ночь прошла для неё без сна. Она лежала на тюфяке, слушала, как

сопит Марта, как где-то в стене скребутся мыши, и пере-

бирала в уме

всё, что случится утром. Сватовство. Дарственные. Пир. Слова, которые до вчерашнего дня ничего не значили, а теперь лежали у

неё на груди, как жёрнов.

Утром её подняли затемно. День обещал быть длинным, и он

оказался длиннее, чем она боялась.

Гостей впускали в большой зал с утра. Анну поставили подавать к

столу — не к главному, куда её и близко не пустили бы, а к нижнему, где сидели казначеи, писцы, младшие родственники и те, кого

пригласили из вежливости. Она разносила блюда, наполняла кубки

и всё время краем глаза следила за верхним столом.

Маргарету посадили по правую руку от герцога. Они сидели рядом

— два профиля, вырезанных из разных пород камня: она — светлая, спокойная, он — тёмный, замкнутый. Они почти не разговаривали.

За них говорили другие: отцы, дядья, церемониймейстеры, люди с

пергаменами и печатями.

К обеду огласили условия. Анна слышала обрывки, доносившиеся

через зал: земли по восточной границе, приданое в звонкой монете, союз против северного дома, о котором шептались весь месяц. Речь

шла не о двух людях, сидевших за столом. Речь шла о границах и

7

войсках. И в этом был весь ужас: её, Анну, отделяла от Кристофа не

женщина, а карта, которую можно было расстелить на столе и

придавить кубками.

К вечеру у неё ныла спина, а от винных паров мутило. Когда пир

начал расползаться, когда захмелевшие гости потянулись кто к

картам, кто к конюшням, кто по тёмным углам, Анну наконец

отпустили. Она вышла во двор, к колодцу, села на край каменного

корыта и стащила с ног башмаки. Ноги были стёрты до крови в

одном месте, у пятки.

Она не услышала, как он подошёл. Просто подняла голову — и он

уже стоял рядом, без шпаги, в расстёгнутом на груди камзоле, и

смотрел на её босые ноги.

— Покажи, — сказал он.

— Это пустяк.

— Анна.

Она неохотно вытянула ногу. Кристоф опустился на корточки —

герцог, на корточки, у колодца, где его мог увидеть любой конюх, —

и взял её ногу в ладони, повернул, рассматривая ссадину в свете

ущербной луны.

— Я велю принести мазь, — сказал он.

— Тогда завтра вся дворня будет знать, что ты разглядывал ноги

прачки.

Он поднял глаза.

— Дворня и так знает больше, чем мы думаем. Двор — это одно

большое ухо.

— Тем хуже для нас.

— Тем хуже, — согласился он, но её ногу не выпустил, а провёл

большим пальцем по пятке, осторожно, вокруг ссадины, не касаясь.

— Ты весь день была у меня перед глазами. Я видел, как ты ходила

между столами. Я не мог думать ни о чём.

— А нужно было думать о границах, — сказала Анна. — Я слышала: приданое, земли, северный дом.

Кристоф поморщился.

— Я слышал это триста раз. От этого не легче.

Он выпустил её ногу и сел рядом, на край корыта, слишком близко

для двух людей, которым не положено сидеть рядом. Пахло от него

вином и усталостью.

8

— Мой дядя сегодня сказал, что свадьбу назначили на середину

осени, — проговорил он, глядя перед собой. — До первого снега.

Анна почувствовала, как холод от камня ползёт вверх по позвоночнику.

— Значит, у нас есть время до первого снега, — сказала она.

Он повернулся и посмотрел на неё так, будто она сказала нелепость.

— Время для чего?

— Не знаю, — сказала Анна. — Но если бы я знала, что это конец, я

бы, наверное, легла на дно колодца. А я ещё не легла. Значит, что-то

во мне не верит.

Кристоф долго молчал. Потом взял её руку — ту, что покоилась на

колене, — и переплёл свои пальцы с её, крепко, до победения

костяшек.

— Я не дам этому случиться, — сказал он тихо. — Я не знаю как. Но не дам.

Анна не ответила. Она смотрела на их сплетённые руки, на его

тёмные пальцы и свои, покрасневшие от щёлока, и думала о том, что любовь, о которой пишут в балладах, — это не это. Там всё

решалось поединком, бегством в ночи, ядом в кубке. А здесь было

только корыто у колодца, стёртая пятка и чужой пир, гудящий за

стенами.

— Иди, — сказала она наконец. — Тебя хватятся.

— Пусть хватятся.

— Кристоф.

ГЛАВА 3

Он встал, но не сразу, и, уходя, на секунду задержал её ладонь в

своей, будто отпускал не руку, а что-то, что уже принад-

лежало ему

сильнее, чем все земли и границы.

Анна просидела у колодца ещё долго. Когда она наконец поднялась, луна уже ушла за башню, и двор стал чёрным, как горло колодца.

Она обулась, поморщившись от боли, и побрела в прачечную.

Там её ждала Марта. Старуха не спала — сидела на лавке, сложив

руки на коленях, и смотрела на дверь.

— Часовня, значит, — сказала она без выражения, когда Анна вошла.

— Что?

— Ты говорила — в часовню ходила. А девочка с кухни говорит, что

видела тебя у малой галереи. Ночью.

9

Анна замерла. Сердце ухнуло вниз, как в прошлый раз, при слове

«невеста».

— Мало ли что видела девчонка, — сказала она ровно. — Темно, не разглядишь.

Марта поднялась. Она была маленькая, сухая, с руками, скрученными работой, но в эту минуту в ней было что-то страшное

— спокойствие человека, который прожил во дворце тридцать лет и

видел, как ломались шеи за меньшее.

— Ты думаешь, я глухая, — сказала она. — Или слепая. Или не

видела, как тыходишь на рассвете с глазами, как у кошки, объевшейся сметаны.

Анна молчала. Отрицать было нечего, признаваться — нельзя.

Истина, произнесённая вслух, стала бы ядом, а яд во дворце долго

не хранят в тайне.

Марта подошла ближе и заговорила тише, но от этого только хуже:

— Слушай меня, девка. Я тебя с пелёнок знаю. Поэтому скажу один

раз. Двор — это пруд. В нём красиво, пока не коснёшься дна. А на

дне — кости тех, кто думал, что их не видно. Ты поняла меня?

— Поняла, — сказала Анна одними губами.

— Тогда ложись. И чтобы я больше про галереи не слышала.

Марта повернулась к ней спиной, легла на лавку и натянула одеяло

до подбородка. Разговор был окончен.

Анна села на свой тюфяк, стянула косынку и долго сидела, прижав ладони к лицу. Ей было не стыдно и не страшно. Ей было тошно от того, что всё, сказанное Мартой, — правда, и правда эта не отменяла ни одного из его прикосновений, ни одного из его слов. Где-то наверху, в верхних покоях, ещё горели окна: там не спали, там обсуждали её — не её, конечно, а свадьбу, но от этого было не легче. Анна легла, укрылась с головой и впервые за долгое время попросила неизвестно кого о том, чтобы утро не наступало. Утро всё-таки наступило — серое, с мелким дождём, который сеялся на камни, как сквозь сито. Анну подняли затемно, и она работала, не разгибаясь, до самого вечера: таскала воду, развешивала бельё в сушильне, тёрла котлы, а в перерывах стояла в холодном дворе с корзиной и ждала, когда позовут подавать. Дождь не прекращался, и полотнища с гербами двух домов обвисли, потемнели, стали тяжёлыми, как знамёна проигранной битвы.

Верхние покои гудели. Там принимали послов, подписывали бумаги, спорили о границах и сроках. Маргарету не было видно — она

держалась при своей родственнице и выходила только к столу, и

каждый её выход Анна ловила краем глаза, как ловят движение за

шторой: невольно, с замиранием.

В сумерках Анну снова поставили подавать к нижнему столу. Вино

лилось, как дождь за окнами; казначеи раскраснелись, писцы

сбивались в кучки и шептались. Анна носила блюда и думала только

о том, что сегодня он не придёт — не сможет, слишком много глаз, слишком много гостей, которых расселили по всем свободным

покоем, и теперь каждая лестница была на виду.

Но после вечернего колокола, когда она вышла выплеснуть грязную

воду в сточную канавку за прачечной, кто-то взял её за локоть сзади.

Она дёрнулась, чуть не выронив ведро.

— Тише, — сказал он. — Это я.

Кристоф стоял в тени, у самой стены, куда не доставал

свет из

кухонного окна. Плащ у него был мокрый на плечах, волосы

потемнели от дождя, и от него пахло сыростью и ночным двором.

— Ты с ума сошёл, — выдохнула Анна. — Здесь ходят.

— Здесь ходят у отхожих мест, а не у канавы. Идём.

Он потянул её за собой, в обход, к старой лестнице, которой давно

не пользовались, — узкой, тёмной, с выщербленными ступенями.

Анна шла за ним, и сердце колотилось где-то в горле, и она не

спрашивала, куда они идут, потому что ей было всё равно, лишь бы

он не выпускал её локоть.

Они поднялись на два пролёта, свернули в коридор, где пахло

пылью и старым деревом, и он толкнул низкую дверь. За ней

оказалась маленькая комнатка — не то кладовая, не то бывшая

каморка кого-то из старых слуг: узкая кровать без белья, сундук, окно, затянутое бычьим пузырём, сквозь который дождь казался

серебряной сетью.

— Чья это? — спросила Анна, озираясь.

— Ничья. Старый эконо́м держал здесь книги. Теперь держат дрова

и старые сёдла. Я знаю все такие места, — он усмехнулся невесело,

— я в этом дворце вырос.

Он закрыл дверь на засов. Звук этот — глухой, деревянный —

прошёл по Анне дрожью, и она вдруг поняла, что они впервые

11

остались одни за закрытой дверью, не считая той библиотеки, но ту

дверь они никогда не запирали, и в этом была разница.

— Зачем ты пришёл? — спросила она, хотя ответ был очевиден, и

она сама ненавидела себя за этот вопрос.

Кристоф снял плащ и бросил его на сундук. Камзол под ним был

тёмный, простой, без знаков — тот, что он, видно, носил, когда хотел

не быть герцогом.

— Я весь день не мог выносить этого, — сказал он. — Этих пиров, этих речей. Я смотрел на Маргарету и видел, как она считает дни до

свадьбы, и не мог сказать ей ни слова. А потом ты вошла

с блюдом, и у меня свело всё внутри.

Он подошёл к ней вплотную. В тесной комнатке шага хватило на то, чтобы между ними не осталось воздуха.

— Я не благородный, Анна, — сказал он тихо. — Не там, где дело касается тебя.

Она подняла лицо. Он был выше, и в темноте его глаза казались

совсем чёрными, и дождь всё ещё блестел у него на скулах, как

слёзы, которых он не замечал.

— Тогда и я не честная, — ответила она. — Потому что весь день я

слушала, как они делят твою жизнь, и желала, чтобы этот дождь

размыл дороги и увёз её обратно.

Он взял её лицо в ладони — так, как уже делал, но теперь не грубо, а

бережно, будто боялся, что она растает от дождя. Потом наклонился

и поцеловал её. Медленно. Долго. Так, что у неё подогнулись

колени, и она вцепилась пальцами в его мокрый камзол, чтобы не упасть.

Он целовал её в губы, в скулы, в шею, спускался ниже, к

ямке под

горлом, и расстёгивал её лиф — неловко, торопясь, как человек, у

которого слишком долго были связаны руки. Ткань намокла и не

поддавалась, и тогда он просто потянул, и шнуровка подалась с

тихим треском.

— Порвёшь, — выдохнула она.

— Пусть, — сказал он. — Я куплю тебе новую.

Она хотела засмеяться — прачке, новую лиф, — но смех застрял у

неё в горле, потому что его ладони уже лежали у неё на груди, поверх сорочки, и она чувствовала их жар сквозь мокрую ткань.

Он отстранился на мгновение, чтобы стащить с себя камзол и рубаху, и она увидела его — в полосе света из окна, с широкими плечами, с

12

тёмным следом от перевязи, с грудью, которая тяжело вздымалась.

Он был красив так, что ей стало больно, потому что эта красота не

могла принадлежать ей.

— Иди ко мне, — сказал он.

И она пошла. Она позволила ему поднять её сорочку, поз-

волила

своим рукам лечь ему на плечи, на спину, туда, где под кожей

перекатывались мышцы. Он целовал её грудь, её живот, он

опускался перед ней на колени, как перед алтарём, и дождь за

окном стучал по камню всё сильнее, заглушая их дыхание.

ГЛАВА 4

Когда он вошёл в неё, Анна вскрикнула и зажала рот ладонью, потому что стены здесь были тонкие, а двор был одно большое ухо.

Кристоф поймал её руку и поцеловал пальцы, один за другим, не

останавливаясь, не отпуская, и она смотрела в его лицо, искажённое

близостью, и думала, что теперь между ними не осталось ничего, что можно было бы назвать расстоянием.

Он двигался в ней медленно, намеренно медленно, как человек, который хочет запомнить всё до последнего вздоха, и шептал что-то, чего она не разбирала, но что звучало как её имя и как обещание.

Она обхватила его ногами, прижалась к нему всем телом, и мир

снаружи — дождь, дворец, невеста, границы — отодвинулся куда-то

далеко, за грань, где уже не имел над ними власти.

Она не знала, сколько это длилось. Дождь то стихал, то принимался

снова, и в паузах было слышно только их дыхание — его, тяжёлое, срывающееся, и её, загнанное, как у беглянки.

Он кончил, не отводя от неё глаз, и она увидела, как у него дрогнуло

горло, как сжались челюсти, как он до боли стиснул её бёдра, будто

она могла исчезнуть. Потом он опустил на неё всем телом, и она

приняла его, прижала к груди, обняла за мокрые волосы. Они

лежали так долго, не говоря ни слова, и только дождь затянутым

пузырём окном отсчитывал им время, которого ни у кого из них не было.

— Я не отпущу тебя, — сказал он наконец, уткнувшись ей в шею.

Голос был низкий, хриплый, чужой.

— А я не прошу отпустить, — ответила она.

Он приподнялся на локте и посмотрел на неё. В полутьме она

видела его лицо совсем близко: мокрые ресницы, тень от дождя на

скулах, рот, который только что был на ней, а теперь снова стал ртом

герцога — твёрдым, сомкнутым.

— Если они узнают, — начал он, но она прижала палец к его губам.

— Не сегодня. Сегодня они не узнают.

Он поцеловал её палец и отвёл её руку.

— Ты умеешь заставить меня молчать, — сказал он почти с

удивлением.

— Я умею только одно, — ответила Анна. — Держать тебя, пока ты

не вырвешься.

— Я не вырвусь.

Он сел, потянув её за собой. Она поправила сорочку, одёрнула её на

груди, и жест этот был такой простой, такой из её нижнего, прачечного мира, что между ними снова встала невидимая стена: он

— нагой, но всё равно герцог, она — одетая, но всё равно голая

перед ним навсегда.

Кристоф поднял с пола её лиф, подержал, разглядывая оборванную

шнуровку, и усмехнулся краем рта.

— Я же сказал — куплю новую.

— Купишь, и все узнают, откуда у прачки такая вещь.

— Тогда я отдам тебе старую рубаху, — сказал он, натягивая свою. —

В ней ты будешь ходить, как я, только тоньше.

Она рассмеялась — тихо, коротко, впервые за все эти дни.

Смех

вышел нервный, на грани слёз, но всё-таки смех, и от него стало

легче, как бывает, когда долго молчишь, а потом вдруг подаёшь

голос.

Они одевались молча, не глядя друг на друга, и эта тишина была

тяжелее разговора. Анна чувствовала, как по ногам всё ещё стынет

то тепло, что он оставил в ней, и думала, что теперь у неё есть что-то, чего нельзя отнять ни свадьбой, ни дождём, ни всем двором сразу.

У двери он взял её за руку и повернул к себе.

— Слушай меня, — сказал он. — Что бы ты ни увидела за эти дни, что бы ни услышала, — помни, что я твой. Не её. Не двора. Твой.

— А ты помни, — ответила она, — что если ты мой, то я — твоя. А

твою прачку могут утопить в сточной канаве, и никто не

спросит, где

она была ночью.

Он сжал её руку так, что стало больно.

— Не смей так говорить.

14

— Я не пугаю тебя, Кристоф. Я говорю, как есть. Ты живёшь в

верхних покоях, а я знаю, сколько во дворце дверей, за которые

можно выйти и не вернуться.

Он долго смотрел на неё. Потом притянул к себе, прижал к груди и

зарылся лицом в её волосы.

— Тогда я выведу тебя отсюда, — сказал он глухо. — Дай мне время.

Я что-нибудь придумаю.

— Время у нас есть, — сказала Анна. — До первого снега.

Он отстранился, заглянул ей в лицо, будто хотел сказать ещё что-то, но промолчал. Вместо этого поцеловал её — в лоб, по-домашнему, как не целуют прислугу, — и отодвинул засов.

Они вышли порознь: сначала она, в темноту, к лестнице, потом он, выждав, сколько нужно, чтобы шаги в коридоре растаяли. Дождь

перестал. От камней поднимался холодный пар, и в лужах у

прачечной дрожали редкие огни верхних окон. Анна скользнула

внутри, разделась в темноте, смыла с себя его запах ледяной водой, как смывала всегда, и легла.

Марта не проснулась. Или сделала вид.

Анна лежала на спине, глядя в тёмный потолок, и на губах у неё всё

ещё был вкус дождя и его кожи. Она знала, что завтра всё вернётся: котлы, щёлок, чужие простыни, невеста за верхним столом. Но

сегодня, впервые за долгое время, ей было всё равно, что будет

завтра. Сегодня он был её — целиком, до последнего вздоха, и это, как она теперь понимала, стоило любого «завтра».

Утром её разбудил не колокол, а чей-то взгляд. Она открыла глаза и

увидела Марту: старуха стояла у её тюфяка, сложив руки на животе, и смотрела на неё сверху вниз, как смотрят на разлитую воду, когда

уже поздно вытирать.

— Вставай, — сказала Марта. — Сорочку свою погляди.

Анна села, ещё не проснувшись до конца, и опустила глаза. На

подоле, у самого края, темнело пятно — не щёлок, не сажа. Кровь.

Её собственная, от вчерашнего. Она слишком устала, что-

бы заметить
её ночью.

Она быстро прикрыла пятно одеялом, но Марта уже всё увидела. И

не сказала ничего. Только качнула головой, как человек, который не

в первый раз смотрит на чужую беду и уже не тратит на неё слов.

— Вымой, — бросила она наконец. — И смотри, чтобы никто не

видел.

15

К вечеру прибежала Дина, поварова дочь, покрасневшая, с

мокрым от пара лицом.

— Слышала? — зашептала она, присев на край корыта.
— Свадьбу

перенесли. Не на середину осени. Раньше.

Анна замерла, не вынимая рук из воды.

— На когда?

— На праздник урожая. Как только управятся с дарственными. Леди

торопится — говорят, её отец болен и хочет успеть обвенчать дочь

до его смерти.

Анна медленно выпрямилась. Праздник урожая — это не

«до

первого снега». Это через считанные недели, когда обмолотят

последний сноп и дворец украсят колосьями и яблоками.

— Откуда знаешь? — спросила она, и голос её, к её собственному

удивлению, прозвучал ровно.

— С кухни слышно всё. Повар ругался, что придётся закалывать

осенних поросят раньше срока.

Дина тараторила ещё что-то — про вино, про то, что из северных

земель уже едут сваты, — но Анна её не слушала. Перед глазами

стояла одна картинка: полотнища с гербами, обвисшие под дождём, и он, говорящий: «У нас есть время до первого снега». Теперь время

сжалось, как мокрый холст, и давило на грудь.

Ночью она не пошла к библиотеке. Не потому, что боялась, — просто

ноги сами несли её к прачечной, а внутри всё онемело. Она легла и

лежала без сна, слушая, как в верхних покоях гаснут огни один за

другим.

Он не приходил. И это было правильно, и от этого было

невыносимо.

ГЛАВА 5

Под утро, когда за окном только-только посерело, дверь прачечной

тихо скрипнула. Анна открыла глаза. В проёме стояла Марта — но не

одна. За её спиной, в сером рассветном свете, угадывался чей-то

силуэт: узкий, в тёмном, с белым чепцом.

Компаньонка леди Маргареты.

— Поднимайся, — сказала Марта, не глядя на Анну. — К тебе

пришли.

Анна села. Сердце стучало где-то в горле, но лицо её, как ей

казалось, оставалось спокойным. Женщина с острым носом вошла, 16

окинула взглядом тюфяк, корыто, развешанное бельё — всё это

хозяйство нижней жизни, — и остановила глаза на Анне.

— Леди Маргарета желает видеть тебя, — сказала она без приветствия. — Оденься и иди за мной.

— Зачем я ей? — спросила Анна.

— Не твоё дело спрашивать, — отрезала женщина. — Твоё дело —

идти.

Анна медленно поднялась, накинула платье, повязала косынку.

Пальцы слушались плохо, но она заставила их не дрожать. Проходя

мимо Марты, она встретила её взгляд — и впервые увидела в нём не

упрёк, а что-то похожее на жалость, смешанную со страхом. Это

было хуже всего.

Компаньонка уже шла впереди, не оборачиваясь. Анна двинулась

следом — вверх, по лестнице для слуг, потом по галерее, где она не

была ни разу, потому что таких туда не пускали. Каменные стены

сменялись деревянными панелями, на полу появились ковры, гасившие шаги, и тишина здесь была другая — не пустая, а

настороженная, как перед ударом.

Они остановились перед дверью, обитой тёмным деревом.

Компаньонка постучала, дождалась короткого «войдите» и отворила.

— Входи, — сказала она. — И помни, перед кем стоишь.

Анна шагнула внутрь. Комната была светлая, с высоким окном, за

которым медленно разгоралось утро. У окна, спиной к

двери, стояла

леди Маргарета — прямая, в домашнем платье цвета слоновой

кости, с распущенными по плечам светлыми волосами.

Она не обернулась, когда дверь закрылась. Молчание длилось

долго, и в этом молчании Анна услышала всё, что ей предстояло

потерять.

— Говорят, — произнесла Маргарета наконец, всё ещё не оборачиваясь, — что в этом дворце даже стены имеют уши.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.